

Метерлинк Морис

**Полное собрание
сочинений**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Морис М.**
Полное собрание сочинений: Том 4 / Метерлинк Морис – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 366 с.

ISBN 978-5-519-96330-5

ISBN 978-5-519-96330-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

П Р А В О С У Д І Е .

I.

Я говорю для тѣхъ, кто не вѣритъ въ существованіе
единого Судіи, всемогущаго и непогрѣшимаго, Который слѣ-
дитъ день и ночь за нашими чувствами и дѣйствіями, поддер-
живаетъ правосудіе въ семъ мірѣ и пополняетъ его въ иномъ.
Но если нѣтъ Судіи, то существуетъ ли правосудіе? Не то,
что организовано людьми, не правосудіе ихъ судовъ и за-
коновъ, но другое, существующее во всѣхъ общественныхъ
отношеніяхъ, не подчиняющееся положительнымъ суждені-
ямъ, санкціонированное обыкновенно лишь общественнымъ
мнѣніемъ, довѣріемъ или недовѣріемъ, одобреніемъ или не-
одобреніемъ тѣхъ, кто насъ окружаетъ? Нѣтъ ли чего-нибудь
еще выше этого правосудія? Можно ли привести къ поня-
тію объ общественномъ правосудіи и объяснить имъ все,
то, что по житейской морали кажется столь необъяснимымъ
и принуждаетъ, такъ сказать, людей увѣровать въ существо-
ваніе разумнаго Судіи? Обманывая и одерживая побѣду надъ
нашимъ ближнимъ, можемъ ли мы думать, что обманули и
побѣдили всѣ силы правосудія? Все ли рѣшено окончательно
и можемъ ли мы забыть всѣ страхи, или, быть можетъ, су-
ществуетъ болѣе строгое и менѣе склонное заблуждаться
правосудіе, не столь видимое, но болѣе глубокое, болѣе
общее и болѣе могущественное?

Кто же станетъ отрицать его существованіе? Кто не чувствуетъ, что оно неодолимо, захватываетъ всю человѣческую жизнь и что въ центрѣ его стоитъ разумъ, не заблуждающійся и не допускающій обмана? Но, похитивъ правосудіе и правду, который былъ глубоко убѣжденъ, что звѣзды сіяли пасть оно добро и зло, счастье и несчастье? Все это вопросы которые мы не часто задаемъ себѣ. Между тѣмъ, они важны, ибо отъ того, откуда является правосудіе карать или награждать насъ, зависитъ его природа и вся наша мораль. Вотъ почему не бесполезно для насъ рассмотреть, каково нынѣ въ сердцахъ и умахъ людей истинное положеніе великой идеи высшаго, мистическаго правосудія, которая столько разъ съ начала міра принимала различные образы. Не эта ли идея—наша возвышеннѣйшая и увлекательнѣйшая тайна, приходящая въ соприкосновеніе съ большинствомъ другихъ, и не ея ли колебанія особенно глубоко потрясаютъ насъ? Возможно, что громадная масса людей не сознаетъ ни колебаній, ни преобразованій идеи. Чистая совѣсть не всегда и не у всѣхъ неразлучна съ развитіемъ человѣческой мысли. Впрочемъ, достаточно, если хоть нѣкоторые отдадутъ себѣ отчетъ въ происшедшей метаморфозѣ, а общая мораль почувствуетъ постепенно ея дѣйствіе.

II.

Мы должны будемъ, естественно, затронуть правосудіе общественное, т.-е. то, которое мы взаимно воздаемъ другъ другу въ жизни, но не будемъ говорить о правосудіи законномъ или положительномъ, составляющемъ лишь часть правосудія общественнаго. Мы обратимъ особое вниманіе на то неопредѣленное, но могучее, неуловимое, но неизбежное правосудіе, которое сопровождаетъ и проникаетъ, одобряетъ или порицаетъ, награждаетъ или караетъ всѣ дѣянія нашей жизни. Приходить ли оно извнѣ? Существуетъ ли оно независимо отъ человѣка въ природѣ и вещахъ, какъ

нравственный принципъ, непреложный и недопускающій обмана? Существуетъ ли, словомъ, правосудіе, которое бы можно было назвать физическимъ? Или же правосудіе исходитъ всецѣло отъ человѣка? Скрывается ли оно внутри его, хотя и дѣйствуетъ извнѣ, и не существуетъ ли, короче сказать, наоборотъ, лишь правосудіе психологическое? Мнѣ кажется, что оба эти термина: правосудіе физическое и психологическое, охватываютъ различныя формы правосудія, господствующія и понынѣ надъ правосудіемъ общественнымъ.

III.

Человѣкъ, даже наиболѣе склонный къ иллюзіямъ и тайнамъ, задавъ искренно и внимательно вопросъ своему личному опыту, взглянувъ на внѣшнія бѣдствія, слѣпо поражающія вокругъ него и добрыхъ, и злыхъ, не будетъ въ состояніи долго сомнѣваться въ той истинѣ, что въ мірѣ, гдѣ мы живемъ, не существуетъ правосудія физическаго, происходящаго отъ моральныхъ причинъ, и что это правосудіе является въ образѣ наслѣдственности, болѣзни, атмосферическихъ, геологическихъ или какихъ только можно вообразить явленій. Ни земля, ни небо, ни природа, ни матерія, ни эфиръ, никакая изъ вѣдомыхъ намъ силъ, кромѣ тѣхъ, что таятся въ насъ самихъ, не имѣютъ ни малѣйшей связи съ нашею моралью, нашими мыслями и намѣреніями. Между внѣшнимъ міромъ и нашими дѣйствіями существуютъ лишь простыя отношенія причины и слѣдствія. Если я совершаю какую-либо неосторожность или излишество — то подвергаюсь извѣстной опасности и уплачиваю извѣстный долъ природѣ. А такъ какъ всякое излишество или неосторожность имѣютъ чаще всего причиною то, что мы называемъ безнравственнымъ, потому что должны были сообразовать свою жизнь съ мелочными требованіями здоровья и безопасности, то мы и не можемъ воздержаться, чтобы не установить извѣстной связи между безнравственною причиною и пережитой опасностью

или уплаченнымъ долгомъ, и невольно начинаемъ вновь вѣрить въ міровое правосудіе—наиболѣе укоренившійся въ нашемъ сердцѣ предразсудокъ. Но, начавъ снова вѣрить, мы упускаемъ изъ виду то обстоятельство, что послѣдствія были бы тѣ же и тогда, если бы излишество или неосторожность имѣли невинный и даже героическій поводъ, выражаясь сообразно съ нашимъ ребяческимъ словаремъ. Брошусь ли я въ страшный холодъ въ воду, чтобъ спасти своего ближняго, или же упаду въ нее, пробуя столкнуть туда своего врага—послѣдствія простуды будутъ все тѣ же, и ничто на землѣ и подъ небесами, кромѣ меня самого или человѣка, если это ему окажется возможнымъ, не прибавитъ ни капли къ моимъ страданіямъ во имя того, что я совершилъ преступленіе, точно такъ же, какъ не избавитъ меня ни отъ одного болѣзненного ощущенія во имя того, что я совершилъ героическій подвигъ.

IV.

Возьмемъ другое проявленіе того же физическаго правосудія: наслѣдственность. Здѣсь мы вновь сталкиваемся съ тѣмъ же невѣдѣніемъ моральныхъ причинъ, съ тѣмъ же безразличіемъ. Надо сознаться, странно было бы правосудіе, вымещающее на дѣтяхъ и правнукахъ тяжесть проступка, совершеннаго отцомъ или прадедомъ, но оно не было бы противно людской морали, и человѣкъ легко бы постигъ это: такое правосудіе показалось бы даже естественнымъ, грандіознымъ и увлекательнымъ. Оно продлило бы на неопредѣленное время нашу индивидуальность, нашу совѣсть и наше существованіе и съ этой точки зрѣнія согласовалось бы съ большимъ количествомъ неоспоримыхъ фактовъ, которые доказываютъ, что наше существо не ограничено исключительно самимъ собою, но имѣетъ множество неуловимыхъ, хотя и не вполне выясненныхъ связей со всѣмъ, что насъ окружаетъ, намъ предшествуетъ или послѣдуетъ въ жизни.

Однако. если это и вѣрно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то совсѣмъ не примѣнимо къ тому, что касается правосудія физической наслѣдственности. Физическая наслѣдственность не считается съ моральными причинами акта, послѣдствія котораго оплачиваются потомками. Между тѣмъ, что совершилъ отецъ, повредившій свое здоровье, и тѣмъ, что переноситъ сынъ, существуетъ физическая связь, но намѣренія и побудительныя причины отца, причины, можетъ быть, преступныя, а можетъ быть, и героическія, не окажутъ ни малѣйшаго вліянія на страданія, доставшіяся на долю сына. Прибавимъ къ этому, что поле дѣйствія предполагаемаго физическаго правосудія, повидимому, очень ограничено. Отецъ можетъ совершить тѣмъ ужасныхъ преступленій: убивать, быть низкимъ предателемъ, преслѣдовать невинныхъ, обирать несчастныхъ, и эти преступленія не оставятъ ни малѣйшаго слѣда въ организмѣ его дѣтей. Достаточно для этого, чтобы онъ позаботился избѣжать всего, что повредило бы его здоровью.

Собственно говоря, правосудіе наслѣдственности караетъ почти исключительно два рода проступковъ: алкоголизмъ и развратъ. Однако, если алкоголизмъ—порокъ въ достаточной мѣрѣ отвратительный и часто весьма преступный, онъ часто бываетъ также скорѣе слабостью, чѣмъ преступленіемъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно вообразить себѣ проступокъ, въ которомъ было бы менѣе преднамѣренности и испорченности. Трудно дать себѣ отчетъ, почему всесвѣтлая мораль клеймитъ такимъ спеціальнымъ и, можно сказать, ужаснымъ образомъ на вѣчныя времена сравнительно невинную ошибку, тогда какъ она нимало не заботится о томъ, чтобы покарать отцеубійцу, напимѣръ, отравителя или истязателя.

Что же касается до разврата, то наказаніе, страдательнѣе между всѣми и наиболѣе роковое для потомства, часто поражаетъ его. Но и здѣсь со стороны вещественнаго правосудія то же игнорированіе моральныхъ причинъ, то же ослѣпленіе. Развратъ можетъ быть чудовищемъ съ точки зрѣнія нравственности, можетъ являться слѣдствіемъ ужасныхъ интригъ и быть запятнанъ превышеніемъ власти, отчаяніемъ и слеза-

ми. Съ другой стороны, допустимо, что онъ бываетъ безразличенъ и даже невиненъ; но вещественному правосудію нѣтъ до этого дѣла; оно караетъ, лишь принимая въ соображеніе принятыя или забытыя предосторожности, частое повтореніе ошибки, караетъ часто неудачу, но никогда не даетъ себѣ отчета въ душевномъ состояніи своей жертвы. Притомъ можно бы и относительно разврата сдѣлать то же замѣчаніе, что относительно алкоголизма: за что такое специальное и почти неограниченное наказаніе за часто невинную ошибку? Есть виды разврата, которые въ глазахъ холоднаго и возвышеннаго разума, каковой долженъ составлять неотъемлемую принадлежность высшаго правосудія, несравненно менѣе преступны, чѣмъ многія низкія мысли и дурныя чувства, которыя незамѣченными живутъ въ глубинѣ нашего сердца. Наконецъ, чтобъ закончить эту главу, нетрудно будетъ вообразить или подыскать такой случай, гдѣ дѣти и внуки безусловно честнаго человѣка были бы безпощадно поражены въ своемъ разумѣ и здоровьѣ потому только, что ихъ отецъ получилъ неизлѣчимуую болѣзнь, исполняя то, что считалъ—справедливо или нѣтъ—исправленіемъ причиненнаго зла, самоотверженіемъ, жертвой или долгомъ чести.

V.

Таково естественное правосудіе относительно физической наслѣдственности. Что же касается наслѣдственности моральной, то она дѣйствуетъ, руководясь, повидимому, тѣми же принципами; но такъ какъ дѣло идетъ здѣсь объ измѣненіяхъ въ умѣ и характерѣ, несравненно болѣе сложныхъ и неуловимыхъ, то и проявленія правосудія менѣе ярки и отчетливы. Наслѣдственность моральная есть не что иное, какъ духовная разновидность наслѣдственности физической—по крайней мѣрѣ, въ области патологической, и единственной характерной для произведенія рѣшающихъ наблюденій; одна есть принципъ другой, такъ же какъ другая составляетъ продолженіе первой; такимъ-то образомъ въ происхожденіи первой нахо-

димъ, съ точки зрѣнія правосудія, ту же индифферентность, то же ослѣпленіе. Потомки алкоголика или развратника могутъ быть поражены за разъ какъ въ разумѣ, такъ и въ здоровьѣ, какова бы ни была виновность или невинность первоначальной причины алкоголизма или разврата. Умственные способности будутъ неизбѣжно поражены, если даже спасается физическое здоровье. Будутъ ли они сумасшедшими, идиотами, эпилептиками, явятся ли они обладателями неодолимыхъ преступныхъ инстинктовъ, или же имъ будетъ угрожать лишь легкое расстройство умственныхъ способностей—все равно: душа, пораженная одновременно съ тѣломъ, должна вынести ужаснѣйшую моральную пытку, на какую лишь способно высшее правосудіе (если здѣсь хоть на минуту возможенъ былъ вопросъ о правосудіи), пытку, карающую дѣйствія, причиняющія гораздо меньшее зло, чѣмъ сотни другихъ, на которыя природа не обращаетъ и вниманія. Добавимъ еще, что кара эта примѣняется слѣпо, не считаясь нисколько съ извинительными, быть можетъ, безразличными, а то такъ и прекрасными побудительными причинами этихъ дѣйствій.

Значитъ ли это, что лишь алкоголизмъ и развратъ принимаются въ расчетъ моральною наслѣдственностью? Никонимъ образомъ, да это было бы и странно. Тысячи болѣе или менѣе извѣстныхъ факторовъ приходятъ въ соприкосновеніе. Нѣкоторые моральныя качества передаются, повидимому, какъ и нѣкоторыя физическія особенности. Въ извѣстной расѣ можно встрѣтить болѣе или менѣе постоянно однѣ и тѣ же, вѣроятно, благопріобрѣтенныя добродѣтели. Какова же въ этомъ случаѣ роль примѣра, среды и наслѣдственности? Вопросъ такъ усложняется, факты такъ часто противорѣчатъ другъ другу, что было бы невозможно прослѣдить какую-либо определенную причину въ толпѣ другихъ безчисленныхъ причинъ. Достаточно констатировать, что мы не находимъ и слѣда вполнѣ ясныхъ, разительныхъ и рѣшающихъ случаевъ, въ которыхъ могла бы высказаться преднамѣренность физической или нравственной наслѣдственности. Если же мы не находимъ слѣдовъ здѣсь, то въ чемъ-либо другомъ найти ихъ еще труднѣе.

VI.

Итакъ, мы не видимъ и тѣни преднамѣренности правосудія ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею, ни въ этой жизни, ни въ другой, т.-е. жизни нашихъ дѣтей.

Но, примѣняясь къ существованію, мы естественно пришли къ тому, что пропитали своею моралью все принципы причинности, которые встрѣчали чаще другихъ, такъ что создали весьма удовлетворительный призракъ наличнаго правосудія, награждающаго или карающаго большинство нашихъ дѣйствій, смотря по тому, приближаются они или удаляются отъ извѣстныхъ законовъ, необходимыхъ для поддержанія бытія. Очевидно, что если я засѣваю свое поле, то имѣю во сто разъ болѣе шансовъ собрать жатву будущимъ лѣтомъ, чѣмъ мой сосѣдъ, который не засѣвалъ своего, предпочитая жить въ лѣности и расточительно. Такимъ образомъ, трудъ награждается самодовольной увѣренностью, и мы сдѣлали изъ труда дѣйствие, моральное по преимуществу, и величайшую обязанность, такъ какъ онъ необходимъ для поддержки нашего существованія. Можно бы привести до бесконечности подобины примѣры. Если я хорошо воспитываю своихъ дѣтей, если я добръ и справедливъ къ окружающимъ, если я честенъ, дѣлтеленъ, чистосердеченъ, остороженъ и разуменъ во всехъ обстоятельствахъ, то я буду имѣть болѣе шансовъ на сыновнюю преданность, любовь, уваженіе и счастье, чѣмъ тотъ, кто былъ бы мнѣ полною противоположностью. Тѣмъ не менѣе, не будемъ упускать изъ виду, что мой сосѣдъ не собралъ бы больше съ своего поля и тогда, если бъ, заботливый и воздержанный по обыкновенію, не засѣялъ бы своей пашни въ должное время по уважительной и даже достойной нашего удивленія причинѣ,—напримѣръ, потому, что захворалъ у изголовья больной жены или сосѣда. То же произошло бы и во всехъ приведенныхъ мною примѣрахъ, *mutatis mutandis*. Но случаемъ, когда уважительный и даже бла-

городный поводъ препятствуетъ совершенію долга,—исключительны, и вообще, между причиною и слѣдствіемъ, между необходимымъ требованіемъ закона и результатомъ повинующейся ему силы есть, благодаря гибкости нашей натуры, достаточная связь, чтобы поддержать въ насъ идею вещественнаго правосудія.

VII.

Благотворна ли эта мысль, дремлющая въ глубинѣ души даже у людей, наименѣе наклонныхъ къ мистицизму и наименѣе легковѣрныхъ? Не напоминаетъ ли въ данномъ случаѣ наша мораль насѣкомое, сидящее на падающемъ утесѣ и воображающее въ моментъ паденія, что утесъ перемѣщается лишь для того, чтобы служить ему опорой? Существуютъ ли на свѣтѣ заблужденіе или ложь, которыя бы надо было поощрять? Можетъ быть и есть между ними такія, что кажутся благотѣльными на мигъ; но минуетъ благотѣльная сила, и станешь вновь лицомъ къ лицу съ правдой. которой придется все-таки принести давно откладывающуюся жертву. Необходимо ли было дожидаться, чтобы иллюзія и ложь, которыя, казалось, благотворно дѣйствовали на насъ, начали причинять намъ зло или замедлили неизбежное сліяніе между хорошо прочувствованной дѣйствительностью и способомъ ее воспроизводить, ею пользоваться или ее воспринимать?

Что выиграли люди, не отказавшись отъ нихъ тотчасъ же? Немножко обманчиваго покоя, нѣсколько пороку роковыхъ утѣшеній, нѣсколько праздныхъ надеждъ. Зато потеряли много дней; человѣчество же, желающее, наконецъ, познать истину и видящее въ этомъ познаніи цѣль жизни, замѣняющую всѣ прочія, не имѣетъ времени для потери. Доказано также, что ничто не заставляетъ человѣчество терять болѣе времени, чѣмъ искорененная иллюзія, обладающая необыкновенною живучестью и способностью видоизмѣняться.

Но что за дѣло, скажутъ мнѣ, почему человѣкъ дѣлаетъ ту или другую вещь, кажущуюся ему справедливой: потому ли, что убѣжденъ въ присутствіи всевидящаго Бога, или вѣрить въ существованіе извѣстнаго мірового правосудія, или же, наконецъ, просто потому, что эта вещь кажется справедливой его сознанію и совѣсти? Наоборотъ, это важнѣе всего. Есть три рода людей: первые, вѣрящіе во всевидящаго Бога, сдѣлаютъ не одну несправедливую вещь, такъ какъ не существовало еще божества, чѣмъ велѣніемъ не совершались бы многія несправедливости; вторые не всегда будутъ дѣйствовать подобно третьимъ, а третьи и будутъ поистинѣ людьми, которыхъ нужно изучать моралисту, потому что только они переживутъ другихъ. Моралисту, интереснѣе попытаться угадать, какъ будетъ человѣкъ жить, окруженный естественнымъ своимъ элементомъ, т.-е. истиной, чѣмъ изучать, какъ онъ себя чувствуетъ среди заблужденій.

VIII.

Я думаю, что тѣмъ, кто не вѣритъ въ существованіе Всевышняго Судіи, бесполезно покажется разсматривать такъ серьезно недопустимую идею вещественнаго правосудія. Дѣйствительно, изображенная такъ, сходная съ тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, и, такъ сказать, прижатая къ стѣнѣ, она становится недопустимой.

Но въ нашей повседневной жизни мы не такъ воображаемъ ее себѣ. Видя несчастіе, преступленія, несправедливо нажитой достатокъ, кончающійся разореніемъ, жалкій развратъ, наказанную злобу, несправедливыя нападки, зло, торжествующее, на мгновеніе и вскорѣ побѣжденное, мы безпрестанно смѣшиваемъ физическое дѣйствіе съ моральной причиной; и хотя мы и не вѣримъ въ существованіе Судіи, но все почти живемъ, опираясь болѣе или менѣе на невѣдомую, неопредѣленную вѣру въ правосудіе вещественное. Если даже мы извѣдали разумомъ и хладнокровнымъ наблюденіемъ, что по-